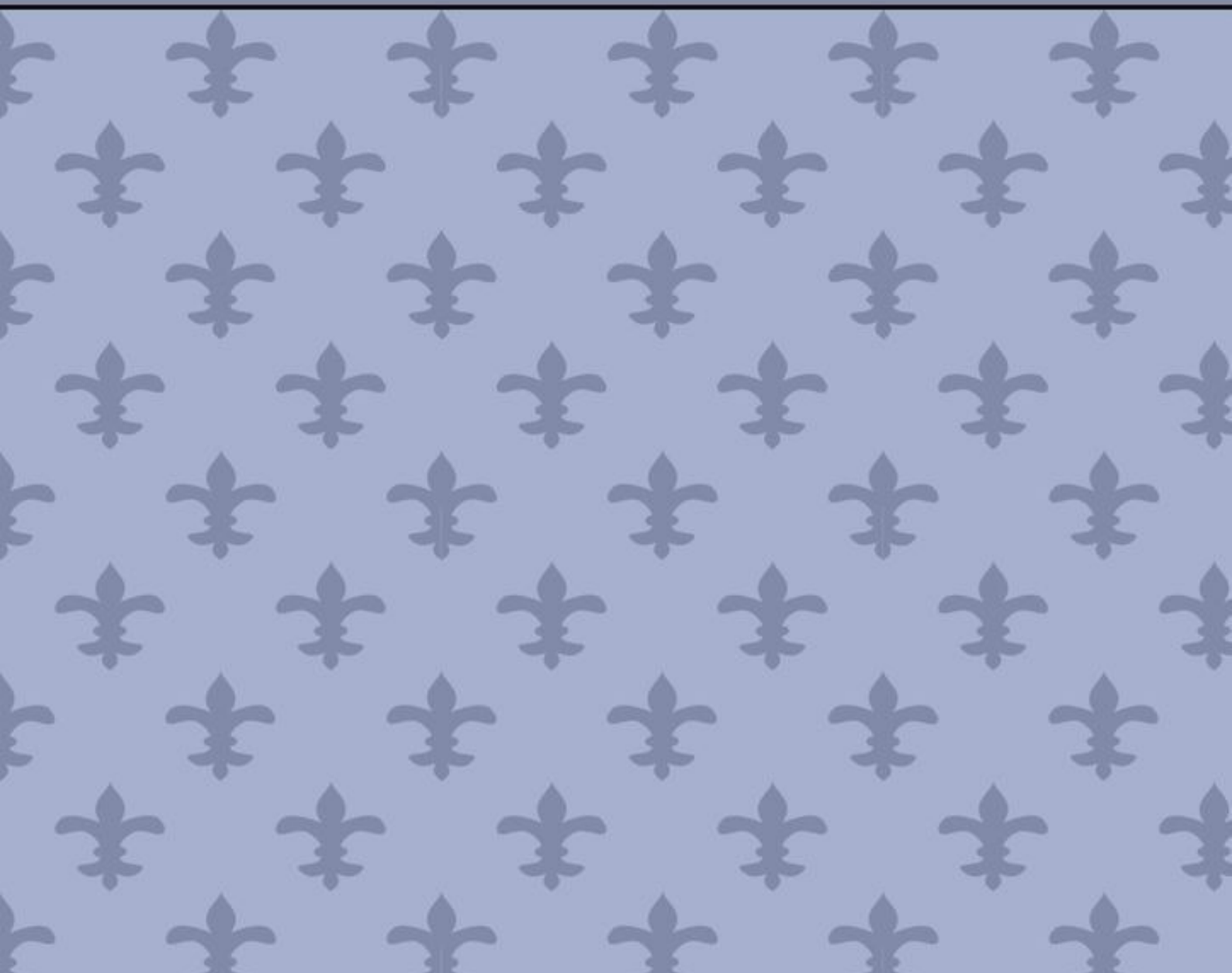

18+ Александр Стуликов

Челнинские рассказы

Александр Стуликов
Челнинские рассказы

«Издательские решения»

Стуликов А.

Челнинские рассказы / А. Стуликов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554971-6

Челнинские рассказы — это истории, основанные на реальных событиях, и произошедшие в городе Набережные Челны. Возможно, в книге написано и про Вас.

ISBN 978-5-00-554971-6

© Стуликов А.
© Издательские решения

Содержание

Озеро Влюбленных	6
Письмо	8
Золото Боровецкой церкви	10
Билетик у дороги	12
Утопленница	14
Хозяин Камы	16
Самый главный	19
Боровецкий лес	21
Сейчас бы ба-а-ахнуть!	23
Выстрел	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Челнинские рассказы

Александр Стуликов

© Александр Стуликов, 2021

ISBN 978-5-0055-4971-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Озеро Влюбленных

«Нужно торопиться», – сказал я сам себе. Дом Эби находился у мечети, докуда надо было еще идти и идти. «Что на этот раз? – я задавался вопросами, – Опять перепутала таблетки или вовсе не принимала их?» Я пытался бежать, но ноги не слушались – это был уже семнадцатый или восемнадцатый вызов за сегодня. Вот так всегда: то ни одного, то все разом. Словно сговорились!

Тем временем уже окончательно свечерело. Я двигался вдоль Камы и мысленно приближал расстояние, всматриваясь в зеленые огоньки – свечение на минарете. Они мерцали и перекликались друг с другом. Вскоре показались знакомые резные ворота и деревянный дом с покосившейся трубой на крыше. Я был на месте. – Эби! Открывайте! – я подошел к двери. – Заходи, сынок. Там открыто, – до меня донесся голос Эби. – Что случилось? Что беспокоит?

Выждав паузу, Эби произнесла: – Слава богу, все хорошо. Лекарства пью, вон – все записываю, – она указала на полку, которая свисала над кроватью переполненная пузырьками и бумажными упаковками. – Садись ужинать, а то пироги стынут. – Какие пироги?! Вы же сказали, что заболели! – недоумевал я. – Сказала. Аллах простит, знаю ведь, что ты целый день ходишь, не обедал даже, а у меня не болезнь, это старость. Ее не вылечить. – Не разговаривайте, Эби, сейчас давление измерим. – Не стоит. Дочка уже померяла. Все в норме. Они с мужем часа два назад приехали из Казани. Буду рада, если погостят недельку-другую. И за мной будут приглядывать. А ты садись, садись, кушай. Было у меня предчувствие, что Эби хитрит. В доме стояла тишина. Явно, что никого, кроме нас. – А где Ваша дочь? И зять Ваш? – Ой. Да не ладится у них что-то. Отправила вот их на Озеро влюбленных. – А где это такое у нас, в Челнах? – Да в Боровецком лесу, за загсом. Лесное озеро или Бобровое... Сейчас его так молодежь называет. А изначально оно Озером влюбленных было. Старожилы подтвердят. – Впервые слышу. А что там ночью-то делать? Сейчас на улице темень такая, хоть глаз выколи. Заблудиться можно. – Ты садись, садись, кушай. А я тебе расскажу. – Так и быть, но в следующий раз, Эби, я ведь на работе все-таки, – я попытался сказать это как можно строже, но в то же время сам понимал, что отказываться нельзя, сейчас уйди – обязательно расстроится – давление подскочит. Уже через минуту меня можно было застать уплетающим пироги за обе щеки. Они были такие вкусные, что я окончательно забыл о профессиональной этике. – Не торопись, не спеши. Поди кто гонится за тобой? На сегодня работу закончил уже, – приговаривала Эби. – Вкусные, Эби, – успел вымолвить я, приступая за очередной кусок пирога. – Не торопись, не торопись. Не спеши. А я тебе про то озеро расскажу. В то время я училась в школе в старших классах. Ох, молодая была! До ужаса. Ни названия, ни самого озера еще в помине не было. Был карьер. Землю и песок оттуда брали. Тогда ведь Великая стройка шла, завод, город строили. Люди со всего Союза съезжались, работали вместе, веселились, влюблялись, затем женились, рожали детей. В общем, жизнь кипела. Так вот. Были у нас свои Ромео и Джульетта. Про них весь город жужжал, все, кому только не лень. Все как у Шекспира: молодые, красивые, любовь большая и родительный запрет с двух сторон. Встречались они тайно. А в один день взяли наши молодые и исчезли! Искали их всем городом, ни один безучастным не остался. Вдруг весть приходит: кто-то из рабочих доложил, что видел их в лесу, якобы, они стояли на краю карьера, взявшись за руки, затем поцеловались и спрыгнули вниз. Услышав это, мы всем двором давай бежать на то место. Какое было наше удивление, когда мы обнаружили еще вчера сухой карьер заполненным до краев водой! Он превратился в целое море! Можешь себе представить такое? И нашлись смельчаки, которые ныряли и осматривали дно. Мы же с девчонками обошли все вокруг, но никого так и не нашли. Ни живых, ни мертвых! Как сквозь землю провалились наши Ромео и Джульетта! А водоем после этого случая стали называть Озером влюбленных. Позже рождались разные легенды, связанные с этим местом. Кто-

то утверждал, что своими глазами видел, как неприкаянные души молодых летают ночью вокруг озера. Говорили, что неспроста появилось то озеро, мол, это слеза Земли. Она о нас плачет. Покаяться мы должны, рассуждали местные. Шли годы, много потрясений за это время пережил наш город. Об истории с Озером влюбленных почти позабыли. Мало кто помнит, как все было. – А Вы, Эби, верите, что это они там летают? – Души-то? Выдумки это людские. А молодые просто сбежали от своих горе-родителей. Скорее всего, в Казань. Или еще в какой другой город подались. Женились там как хотели и сейчас уже правнуков, небось, куча. Что касается озера, и правда не простое оно. Сила особая в нем есть. Не напрасно его тогда Озером влюбленных прозвали – как в око глядели. Если два влюбленных сердечка проведут ночь на берегу этого озера, встретят рассвет там, то любить они будут друг друга еще с большей силой и в век не расстанутся. Я своим пустого дела не посоветовала бы. А ты тоже сходи на озеро. Чай, повезет, в отражении свою будущую невесту увидишь, холостой ведь. – Спасибо, Эби. Я прям заслушался Ваших историй. Схожу, как время будет. Спасибо за еду. Накормили до отвала. Давайте еще раз давление измерим, на ночь. Так, все хорошо, Эби, но таблетки не забывайте принимать. Я пойду. – Беги, беги, сынок. Я закрою. Я еще долгое время работал на своем участке. Он менялся с каждым днем: деревянные дома исчезали, на месте их, буквально за ночь, вырастали кирпичные коттеджи и многоквартирные высотки. Дом с резными воротами и покосившийся трубой постигла та же участь. А незадолго до этого был вызов. Когда я вошел, Эби уже не дышала, а на столе стояла тарелка с пирогами, еще горячими.. Спустя несколько лет, прогуливаясь по парку, я невольно свернул к озеру, про которое рассказывала Эби, Меня как как магнитом потянуло в ту сторону. Я долго и пристально смотрел на воду, а когда уже собирался уходить, в воде, где-то в глубине, непонятно, или, наоборот, на поверхности в отражении увидел ее, да, свою суженную! И мне это не померещилось! Через неделю я встретил ее наяву, а еще через месяц мы поженились.

Письмо

Мама, где ты?

С того дня, когда мы потеряли друг друга, прошло уже 10 лет. Ты только не плачь. Со мной все хорошо. Я живой. Я скучаю по тебе и продолжаю тебя искать. Мы ищем тебя вдвоем с Чап-Чапом. Это мой кот. У него отличный нюх. Как у собаки. Он меня спас и теперь мы друзья. Мы приходим с ним каждый день к Колокольному мосту. Помнишь тот мост? Мы там расстались. Иногда приезжаем на площадь. Ты, главное, не переживай, если ты будешь где-то рядом, я обязательно тебя узнаю. Обязательно. Даже не сомневайся. Среди миллионной толпы узнаю. Дед меня конечно ругает за то, что я отлучаюсь без спроса, он говорит, что это все мое воображение, якобы дети не помнят себя в крохотном возрасте и твоего лица я тоже не мог запомнить. Но это неправда. Я помню все наши дни, которые мы провели с тобою вместе. Каждую минуту помню. С первого дня. Не веришь?

Вот проверь. Я буду рассказывать, а ты проверяй. Сначала мы жили с тобой напротив набережной. Ты очень любила прогуливаться вдоль реки. Особенно по вечерам, когда горят фонари. В то время я прятался у тебя в животике и ты даже не догадывалась о моем существовании. Наш дом был

самым сказочным в округе. Он был похож на майский цветок. Его желтые-розовые лепестки были видны из далека. А вокруг было столько деревьев, что казалось, что мы в лесу и вот-вот, сейчас, из-за большого тополя выбежит лисичка, а с ветки на ветку запрыгает белочка. Вся эта красота так завораживала. До ужаса. Но только снаружи. Внутри было совсем по-другому.

Грязные, синие стены коридора съедали все лучи света исходящие от единственной лампочки, которая свисала с потолка на двух обугленных проводах. Запах мочи, табачного дыма и алкоголя врезался в нос с самого порога, отчего начинало мутить и не особо подготовленных выворачивало тут же. Наша комната находилась на пятом этаже и, прежде чем подниматься, нужно было убедиться, что на лестнице никого нет. Пренебрежение правилами влекло печальный исход. Могли ударить, обругать или еще что хуже, отобрать пакет с едой. В комнате тоже было небезопасно. Поэтому, перед сном мы строили баррикаду. Стаскивали к двери все что было: шкаф, табуретки, чемоданы и книги, но это мало помогало. После трех ударов соседа все разлеталось по углам и мы бежали к тете Маше и несли оборону уже там, но она впускала нас не всегда и тогда нам приходилось гулять во дворе пока дом не уснет. Но самое мучительное было засыпать на голодный желудок. Несмотря на то, что ты работала на двух работах, после уплаты за ЖКУ, денег на еду оставалось совсем мало и мы регулярно два, а то и три дня каждого месяца держались только на воде. Иногда, конечно, случались у нас и сытные вечера. Целые застолья. Как правило, на них собиралось половина жильцов нашего дома. Но от алкоголя и от кальянного дурмана у меня всегда болела голова и наутро я мало что мог припомнить, а мои руки и ноги не слушались меня еще потом целую неделю. Когда ты узнала обо мне, это произошло на приеме у врача, ты сильно удивилась и долго не могла поверить, что у тебя есть я. Два дня ты молчала и ходила по комнате туда-сюда. А потом все изменилось. Мы переехали. Наш новый дом кардинально отличался от предыдущего.

Он был добрым и снаружи и внутри. Мне очень нравилось в нем кататься на лифте, он в считанные секунды уносил нас под облака. А еще у нас было большое окно с видом на Каму и своя ванная комната, где можно было понежиться в теплой водичке. Мы больше не голодали. Ты часто гладила меня и называла ангелочком. Я очень любил слушать как ты поешь и играешь на рояле. Я был счастлив. Я улыбался тебе. Мы были вместе. Но недолго. Весною на предприятии где ты работала перестали выплачивать зарплату. Мы спасались лишь средствами взятыми в банке. Потом нам начали звонить кредиторы. Затем пришли приставы и забрали мои распа-

шонки, игрушки и кроватку, которые ты приготовила ко дню моего появления. В понедельник нас выставили на улицу и мы вернулись в дом на набережной. Ты целый день плакала, а я пытался тебя успокоить.

Уже ночью, ты резко встала, вышла во двор и побежала к реке. На Колокольном мосту, наверное, от волнения, я не удержался и ты впервые увидела меня. Мама. Я висел на пуповине и тянулся к тебе изо всех сил. Ты смотрела на меня и плакала. Потом что-то блеснуло и я полетел вниз. Я скатился почти до самой реки. Густые заросли крапивы не дали свалиться мне в воду. Я попытался тебя позвать, но пупочный канатик, словно удавка обвил мою шею и перекрыл мне дыхание. В эту же секунду полчище комаров облепили мое тело и начали пожирать меня заживо. Гибель была неминуема. И я бы исчез, если бы не Чап-Чап, мой рыжий кот. Это он перегрыз пуповину, слизал всех тварей и согревал меня до утра, пока нас не нашел мой дедушка. Он забрал нас к себе домой и накормил козьим молоком. Сейчас я уже учусь в школе. Я почти отличник. Мой самый любимый предмет – это рисование. Когда я вырасту, то обязательно стану архитектором и построю для нас большой-большой дом. Я его уже нарисовал. Он добрый и снаружи и внутри. А вот с русским языком я еще не совсем подружился, поэтому не обращай внимания на ошибки. Мама, нам тебя очень не хватает. Я разослал это письмо во все газеты и соцсети. Надеюсь, ты его увидишь и прочитаешь. Мама, я не пишу своего адреса и имени. Дедушка говорит, что если узнают про нашу историю, то меня отдадут в детский дом. Мама, мы ждем тебя с Чап-Чапом, моим котом, у Колокольного моста...

Золото Боровецкой церкви

Эту тайну я хранил почти 30 лет. Но сегодня я вынужден вам все рассказать, деваться мне просто некуда. Посудите сами, мне уже далеко за семьдесят, а в этом возрасте любой день может стать последним, и тогда моя тайна уйдет вместе со мной. От осознания такого финала в меня вселяется жуткий страх, и уже не первую ночь мучают кошмары. Наверное, нужно было признаться вам чуточку пораньше, и тогда мне не пришлось бы половину своей жизни нести на себе это нелегкое бремя, но в те минуты, когда мою голову посещали такие мысли, я отчаянно им сопротивлялся и молчал. Правда, был один случай, когда я проговорился и выдал свой секрет практически первому встречному, но мой собеседник был настолько пьян, что наутро, слава Богу, ничего не помнил. Итак... В те далекие годы я по распределению от инженерного института прибыл в город Набережные Челны. Это произошло ранним утром, я проснулся от сильного толчка, а от второго удара кубарем слетел с кровати. Как выяснилось, капитан не сбавил ход корабля, когда заходил в порт, и судно буквально в щепки разнесло причал. Обошлось без травм, и все прибывшие пассажиры благополучно ступили на землю, а я уже на следующий день приступил к работе. В моих планах было поработать в Челнах года два-три и потом вернуться обратно к себе на родину, но я так полюбил город на Каме, что остался здесь навсегда. И не прогадал. Ведь в этом городе я встретил свою будущую супругу, нашел настоящих друзей, работу и могу с уверенностью сказать, что прожил счастливую и интересную жизнь. Моя тайна, в которую я обязан вас посвятить, связана с храмом. Речь идет о церкви, которая расположена в селе Боровецкое. Храм заложен еще в 18 веке, а село на сегодняшний день уже давно срослось с городом. В одно время я часто по выходным ходил на рыбалку мимо этой церкви. Храм в то время стоял в запустении, полуразрушенный. Серые, почти черные стены без окон, наводили на меня ужас, особенно в вечернее время, и я старался держаться от них как можно дальше. В 89-х годах, по воле случая или иному совпадению, местные жители именно ко мне обратились с просьбой помочь в проведении реставрационных работ в этом храме. Поначалу я сильно удивился и растерялся, но потом согласился. Днем я трудился у себя в конторе, а после обеда инспектировал работы в церкви. Дело спорилось. Буквально за год укрепили и зачистили стены, покрыли крышу, подняли колокольню и установили купола. Боровецкая церковь засияла, а колокольный звон разлетелся аж до соседней Елабуги! Но для полной сдачи объекта оставалось выполнить еще пару формальностей. Требовалось перепроверить все размеры и только после этого подписать бумаги. Я решил поторопиться: на носу было Рождество, да и морозы крепчали с каждым днем. Ранним утром я был уже на месте. В метрах двадцати от западной стены храма я установил треногу и начал настраивать свой тахеометр. Это такой оптический прибор, простыми словами – моя линейка с помощью которой я все измеряю. Не успел я все подготовить, как почувствовал, что земля из-под моих ног куда-то ушла, а я полетел вниз. Наверное, я потерял сознание и много времени пролежал без чувств, потому что когда я открыл глаза, то там, наверху, сквозь узкую щель, светило не солнце, а переливались звезды. Я ничего не понимал. Я мог только предположить, что провалился в колодец или в погреб. Все тело болело и ныло. Я попытался позвать на помощь, но во рту у меня пересохло и сильно тошнило. Я стал руками ощупывать все вокруг в надежде найти лестницу. Ничего подобного вблизи не было, но в дальнем углу я обнаружил лаз. Это был шанс. Набравшись сил я полез. Проход был узким, и я двигался с большим трудом. Преодолев примерно метров пятьдесят, я застрял. Назад двигаться я не мог; не хватало сил и усиливалась боль в ноге, а впереди лаз сужался. Он был забит железными ведрами и чугунками. Я попробовал расчистить проход, но тщетно, ничего не вышло. Ведра были тяжеленные и не желали сдвинуться ни на дюйм. «Надо их опустошить, вычерпать из них землю», – подумал я и сунул руку в ведро. В следующий момент я чуть не сошел с ума!

Я забыл про боль и бессилие. Ведро было наполнено монетами! Вы представляете? И чугулки тоже! Я плакал и набивал карманы деньгами. Мне было все равно, что я оказался заживо замурован под землей. Вскоре сознание стало возвращаться ко мне обратно. Я вновь почувствовал боль в теле, а в голове возникли тревожные мысли. «Нужно выбираться»,; со злостью сказал я сам себе, борясь со вторым «я», которое было не прочь остаться здесь, под толщей земли, сродни фараону, погребенному в окружении золота. Собравшись с последними силами, я резко оттолкнулся от ведер руками и, освободившись от плена, преодолевая боль, пополз назад. Когда я выполз обратно на то место, куда свалился, то сил у меня уже больше не было. Я окончательно смирился с тем, что останусь здесь навсегда. Я лежал на влажной земле, смотрел на звезды, и засыпал. Спасла меня обыкновенная бродячая собака, которых хватает в любом городе. Видимо, учуяв меня, она начала лаять и тем самым привлекла внимание сторожа. Он-то и вытащил меня из ямы и вызвал «скорую помощь». Свою хвостатую спасительницу я потом приютил у себя дома. Она прожила со мной всю свою жизнь, пока не отошла в мир иной. В больнице я пролежал недолго, а когда меня выписали, направился напрямик к храму. По пути я зашел в строительную лавку и прикупил веревку с лопатой. Я планировал пройти на территорию церкви, спуститься в подземелье и вытащить оттуда все ведра с монетами. Но меня ждало большое разочарование: яма была засыпана землей, а в храме велась служба, и поднять клад незаметно от людских глаз теперь было просто невозможно. Я стал думать и предпринимать попытки достать клад любой ценой. Один из планов заключался в покупке дома, который соседничал с церковным забором. Я предполагал от него прорыть подземный туннель к заветному месту. Но, увы, этому не суждено было сбыться. Сделка с хозяином дома прогорела. Что только я ни предлагал ему взамен: и новенькую «Волгу» с квартирой в придачу, и ваучеры сверху. Но он отказался. Следуя другому плану, я попытался проникнуть на территорию храма под видом церковного служителя. Для этого я даже поступил в семинарию, но педагоги очень быстро заподозрили в моем поведении что-то неладное и, окончательно усомнившись в моих благих намерениях, исключили меня как профнепригодного. Отличная возможность добраться до клада была при реконструкции родника, расположенного на территории церкви. Но тендер я тогда не выиграл и остался в стороне. За все те годы я испробовал еще сотню вариантов, самых безумных и невообразимых, но все они потерпели неудачу, и клад так и остался лежать нетронутым. И если честно, смею я вам признаться, я очень этому рад.

Билетик у дороги

Мороз. Уже два месяца как зима, а на улице еще не единой снежинки. Без белого покрывала все живое вокруг не выстоит, замерзнет, а следом и мы. «Но откуда взяться снегу? На небе видны только звезды. Остается надеяться лишь на чудо», – размышлял я, возвращаясь с завода после тяжелой смены. – Быть может, он спасет этот мир? – усмехнувшись спросил я сам себя, заметив у края дороги билетик, балансирующий в воздухе в дюйме от земли. В округе, среди пыли и серости, он был единственным белым пятном, словно девственный снег на вершине горы. Но ему, как я подозревал, оставаться нетронутым было отведено не так уж и много времени, еще один порыв ветра и он угадит в жернова автомашин, а они-то уж без промедления примутся за дело, сначала смешают его с грязью, а потом раскатают в пыль. Я не знаю какие силы управляли в ту минуту мною, но я не раздумывая ринулся со всех ног к обочине и буквально в последнюю секунду успел поймать улетающий билетик. – Уф! Успел, – переведя дух, выпалил я. – Чей ты, дружище? Как ты здесь оказался? Потерялся? – с некоторой долей иронии и грусти спросил я, обращаясь к билетику. Конечно, наивно было ждать ответа от прямоугольного листочка, но рассмотрев его поближе о многом можно было догадаться и самому. – Родом он с главной сцены города не иначе, об этом его глянец говорит и логотип с печатью, приобрели его задолго до премьеры – это факт, концерт ведь сегодня состоится, а штамп покупки аж шестимесячной давности стоит, владелец, скорее всего, женщина, так как аромат дамского парфюма исходит от бумаги, билет парный, а, значит, был еще один – какая судьба того постигла неизвестно – но вот от него лично избавились намеренно: уж слишком он измятый, – размышлял я, пытаюсь сложить весь ребус воедино. – Что же мне делать с тобою? Оставить здесь? Второго расставания ты точно не переживешь, – раздумывал я, почесывая затылок. – Ну, что? Раз мы, так сказать, нашли друг друга, рад знакомству! Проведем вечер вместе! Еще ведь успеваем! – воскликнул я и развернулся в сторону Органного Зала. В вечернем полумраке улочек концертный зал был виден издали, он светился белым сиянием и возвышался над городом уходя далеко в небо. Я потопал ускоряя шаг и через пару минут стоял уже у главного входа в храм искусств. Собранный духом, я вошел внутрь и обомлел: колонны, арки, витражи, картины, золотая парча – все вокруг впечатляло настолько, что я не мог сдвинуться с места и оторвать свой взгляд, казалось, будто машина времени перенесла меня на сто лет назад и я очутился на балу в роскошном замке, а эти дамы вокруг, в пышных платьях с веером в руках и в сопровождении галантных кавалеров только усиливали это ощущение. Раздался звонок и все поторопились занять свои места, я тоже последовал их примеру, сдал одежду в гардероб и, пройдя в партер, устроился в мягком кресле. Погас свет, кто-то кашлянул и полилась она – музыка. Мои веки закрылись, стало легче дышать, сердце нашло свой ритм, отступила усталость и тяжесть, а потом я вообще перестал ощущать свое тело, и ничего для меня больше не существовало. Я парил. Кама, длинные берега, Боровецкий лес, Озеро влюбленных, Дом лесника, огни – на все это я смотрел сверху, поднимаясь над землей все выше и выше, и в тот момент, когда земля казалась уже крупинкой, а мой взор устремился к неизведанным мирам, аплодисменты и крики «браво» спустили меня обратно с небес. «Мой полет был наяву, или я уснул и это всего лишь сон?» – недоумевал я, сидя в кресле. «А какая, собственно, разница? Я хочу испытать это чувство невесомости еще раз. Вновь и вновь. Я желаю путешествий и новых открытий!» – резюмировал я свои мысли, после чего аккуратно переложил белоснежный билетик во внутренний карман и потянулся к выходу вслед за остальными. Когда последнее такси отъезжало от Органного зала, я намеренно задержался, у меня не было желания куда-то спешить. Я был счастлив. Я стоял посреди площади и, задрав голову вверх, ловил ртом падающие снежинки. Их было много. Миллионы самых разных: белые, перламутровые, синие и желтые, горькие и сладкие на вкус, они спускались от самых звезд и покрывали

всю землю пушистым одеялом. Теперь ей не холодно, она не замерзнет, а, значит, и мы будем жить...

Утопленница

Сегодня она опять пришла ко мне во сне. Та девушка. С плотины. Утопленница. Видел ее как наяву. Стоит она на краю моста, смотрит на меня, улыбается. Глаза зеленые-зеленые. А потом... Я не знаю, что с этим делать. В милицию мы так и не сообщили – Егорыч отговорил, а историю эту забыть ну никак не получается. Возможно, если я расскажу вам про ту ночь, хоть на душе мне станет легче. Итак, произошло это весной. Меня от института направили проходить практику на гидроэлектростанцию. Плотина находится на реке Кама близ города Набережные Челны. Возвели гидроэлектростанцию в годы ударной коммунистической стройки. Сооружение уникальное и многофункциональное. Плотина выдерживает не только бурный поток могучей реки и выдает миллионы мегаватт энергии, так еще через нее проходят корабли и баржи, а с одного берега на другой день и ночь тянутся по ее хребту караваны автомобилей, и идут поезда. В голове не укладывается: как такое смогли построить?

Мои дни студента-практиканта проходили скучно. Офисная жизнь угнетала. С утра до вечера я только и делал, что таскал бумаги из одного кабинета в другой. Более мне ничего не доверяли. А за окном в это время кипела настоящая жизнь. Солнце ослепляло. После долгой и холодной зимы просыпалась Кама. Она нещадно гнала и ломала метровые глыбы льда, во власти которых была почти целую вечность. Стаи птиц витали туда-сюда, оглушая своим писком и трелями. Запах весны одурманивал голову. На самом вершине, в шлюзовой смотровой, копошился Егорыч. Эх, я даже представить себе не могу, какие там головокружительные виды открываются. Я, не думая ни секунды, стрелой вылетел из канцелярии и направился к вышке. Мои ожидания оправдались. Там, на шлюзовой смотровой, с высоты птичьего полета, открывался целый мир: река, сосновый лес, Елабуга, Тарловка, Челны, Нижнекамск – все было как на ладони. Я на время закрыл глаза и представил, какая неземная красота откроется здесь, когда зажгутся звезды и огни города. – Егорыч, а можно я на ночь останусь? – обратился я к деду-смотрителю. – Да сколько угодно сиди. Только одевайся теплее. Вишь, утка в камыш лезет? Как быть, мороз будет – повеселев ответил мне Егорыч. Действительно, ночью подморозило. Но мне не было холодно, от рассказов Егорыча веяло каким-то теплом. Он помнил времена, когда по Каме ходили баржи, до вершине груженные зерном, и сплавляли лес по реке. Рассказывал про строительство города и завода автогиганта. Поделился он и легендой про спрятанное золото Колчака в районе Элеваторной горы и показал пойму в стороне Елабуги, где писал свои картины известный художник Шишкин. Я, было, почти уснул, слушая истории Егорыча, как снизу кто-то прокричал: – Эй, спускайся!..Эй! – Голос был девичий. Я посмотрел вниз, но никого не увидел. – Егорыч, это кто? – немного опешив, спросил я. – Я по чем знаю. Не ко мне же к старому пришли, иди гуляй. Ночь время молодых. А я вздремну. Вам все равно не интересны стариковские байки – с недовольством пробурчал Егорыч. Я полез вниз. – Кто здесь? – спустившись с вышки задал я вопрос в темноту и в это же мгновение увидел ее. Девушку лет двадцати. С зелеными глазами и косичками до пояса. От неожиданности я даже вздрогнул. – Испугался, студент? – засмеявшись спросила она. – Ничего я не испугался. Откуда ты про меня знаешь? – парировал я, стараясь скрыть свою растерянность. – Ха-ха. Велика тайна. У нас на работе быстро новости расходятся. Я на пултовой дежурю. Проводишь? – уже смущаясь и краснея спросила девушка. – А ты где живешь? – поинтересовался я. – На той стороне. – махнув рукой в сторону деревьев уточнила зеленоглазая. – На той? Там же лес? – удивился я. – Там поселок. – ответила она улыбаясь. Мы гуляли с Айгуль всю ночь. Взявшись за руки, мы дошли почти до Тарловки, а потом повернули назад. На восходе солнца мы поцеловались. Такого я еще не испытывал. Мои студенческие будни в раз перевернулись. Дни стремительно полетели друг за другом. С утра я томился в канцелярии, а ближе к вечеру спешил на наше условленное с Айгуль место – у шлюзовой-смотровой. Несмотря на то, что я

не высыпался, я был бодр и полон сил. Моему счастью не было предела. Омрачало только одно. Мысли о том, что когда-то наступит день окончания моей практики. Но я старался не думать об этом. Я хотел, чтобы наши встречи продолжались целую вечность. В ту роковую ночь все было, как и в первые дни. Мы встретились с Айгуль на плотине у вышки. Гуляли. Смеялись. Строили планы. В какой-то момент Айгуль, отпустила мою руку, отбежала в сторону и перескочив через ограждения встала на краю моста. – Ты что делаешь? Это опасно! – Ха-ха. Тут не высоко. – Лезь обратно! – Нет. Я не смогу с тобой пойти – это были последние слова Айгуль. Через секунду она исчезла. Я ринулся спасать ее, но преодолев забор и подойдя ближе к пропасти, остановился. Мной одолел страх. Я не мог сдвинуться с места. Ноги не слушались меня. Я даже не осмелился посмотреть вниз. – Егорыч, Егорыч, звони срочно спасателям – начал я кричать изо всех сил. – Не ори – донесся голос Егорыча из-за моей спины. – Там до воды метров 30 и глубина столько же. Нужно ждать рассвета. Спасатели не помогут. – Да что ты говоришь, старый?! Она же там. Нужно срочно звонить. – Откуда она? – С Залесья. – Как ты сказал? -Что? -Как называется? Повтори. Село-то? -Залесье. -Знаешь, что? Забудь сынок про этот случай и никому не рассказывай. – Как это? Егорыч, она же там? Ее же спасать нужно? – Не стоит ее тревожить. Село это, про которое ты говоришь, его уже лет сорок как нет. И жителей тоже. Залесье сгнуло в небытие, под затопление попало при запуске плотины, – похлопав меня по плечу сказал дед-смотритель. Больше я на смотровую не приходил. А по окончании практики, уехал.

Хозяин Камы

«Сидеть на берегу Камы, вдыхать свежий воздух и беззаботно смотреть на проплывающие баржи... Вот лучшее удовольствие в то время, как ваши коллеги усердно трудятся!» – с долей доброго юмора размышлял я, лежа на скамейке у старого речпорта. Сюда я прихожу каждый день, кроме субботы и воскресенья, эти дни у меня не рабочие, а в остальные, как только случается обеденный перерыв, я бегу к реке, собственно, от моей конторы, расположенной на улице Центральная, где я служу счетоводом, это буквально в двух шагах. Конечно, можно было остаться и в офисе, за чашкой чая выслушать еще одно умозаключение от Газиды Абузаровны, тетки с главного финансового отдела, покивать головой во время ее пауз, она всегда выдерживает их строго десять секунд. Я проверял! А в это затишье она смотрит на вас сквозь большие очки с затемненными стеклами и, оценив реакцию, каждого вокруг сидящего, продолжает выдавать один постулат за другим, их у нее бесчисленное количество, и удивительно, что они никогда не повторяются!

Но вот проходит ровно сорок семь минут, и ее монолог затихает... Она уходит в свой отдел, как говорится, по-английски или по-французски, ну, словом, попрощаться не в ее стиле. До ее ухода важно успеть раньше всех выразить благодарность, осыпать комплиментами и, желательно, выдать что-то оригинальное и вот, если после ваших слов Газиды Абузаровны хоть на мгновение задержит свой шаг, на редкую удачу остановится и обернется к вам с улыбкой на лице, это будет означать для вас ни что иное, как перспективу карьерного роста, но особое внимание Газиды Абузаровны можно также быстро и потерять. С нашей работой это не мудрено: не ту цифру выдал и все, считайте ваши бонусы обнулились или вот, полугодовой отчет мы должны были сдать еще позавчера, но до сих пор не можем свести дебет с кредитом. Ошибка где-то закралась! И, если до утра мы не приведем все бумаги в порядок, речь будет идти уже не о потерянных баллах, а об увольнении! Начнут уж как всегда, с нашего брата. В общем, с недавних пор я перестал принимать участие в чаепитиях со своими коллегами. Не хочу попусту обнадеживать себя туманными перспективами и сделал выбор в пользу реальных для меня благ, которые доступны ежедневно, тут, у реки. Так сказать, получаю выгоду здесь и сейчас! Вы меня спросите: да какой же барыш можно извлечь, если просто так стоять на берегу? А я вам отвечу: двойную прибыль! А то и больший процент вам сулит! Любая биржа позавидует такому доходу. А дело все в том, что река близ старого речпорта, с первого взгляда ничем, конечно, не отличается, допустим, от набережной на Элеваторной горе или от противоположного берега Тарловки, если только видами, которые с них открываются, но о вкусах-то не спорят, есть тут другое значимое отличие: время близ речного порта, в радиусе двухсот метров протекает по-особенному, оно в два раза медленнее движется. Вот и получается, что у моих коллег по цеху перерыв всего лишь один час, а мой – растягивается на целых добрых два часа. Чем не лихва?

Поделился со мной этим секретом мой предшественник. Год назад мы его на заслуженный отдых проводили, а меня на его место назначили. Он странный, конечно, мужичек. Всю свою жизнь проработал в конторе, очень грамотным счетоводом слыл, ни один сложный отчет без его помощи не обходился, но вот по службе он так и не продвинулся. Говорят, не раз ему предлагали высокую должность, а он всегда отказывался. Почему именно мне он рассказал про это уникальное место, я тоже не догадываюсь. Мы знакомы с ним особо-то не были. Так, пару раз пересекались по общему отчету, здоровались в начале рабочего дня. Он вообще неразговорчив был. Я в его историю сразу-то и не поверил. Думал, из ума старик выжил. Но выслушал до конца из вежливости. А сейчас, скажу вам, я ему премного благодарен за то откровение. Здесь, на берегу Камы у старого речпорта моя душа всецело отдыхает. Я на время имею возможность о цифрах забыть, которые везде меня преследуют, даже ночью уже снятся. Думается

тут яснее, легче. Чувствуешь, что даже какой-то силой подпитываешься. А ее сегодня ой как много потребуется! Ночь предстоит длинная. А, если еще и кондиционеры не починят, наш офис точно превратится в адский котел! Но это будет потом. Сейчас у меня обеденный перерыв. Я закрыл глаза и погрузился в колыбель Камы: симфонию музыки и тишины... – Тяни! Давай!

От неожиданного крика я свалился со скамейки, затем, быстро вскочил, протер глаза: наверно, я уснул и сам того не заметил. С реки продолжали доноситься голоса: – Тяни!

Хором: – И раз! И два! Давай!

Я подошел к краю обрыва. Там, внизу, было человек сто! Это были мужчины, они стояли по пояс в воде и тянули канат, конец которого уходил далеко в реку. Даже с расстояния было заметно, что их мышцы сильно напряжены, а вены раздулись так, что, казалось, вот-вот лопнут! Ноша была явно не по ним! – Тяни-и! Ещё! – И-раз! И-раз!.. – Эй! Поди сюда! Помогай! – один из них заметил мое присутствие. Сам он не тянул канат, а управлял всем процессом с берега. Он размахивал руками и отчаянно топал ногами. Я было уже ринулся им помогать, но остановил себя: куда я полезу в воду в своем костюмчике? – Нет уж! – выкрикнул я в ответ и попытался жестами объяснить причину своего отказа. В тот же миг канат, натянутый словно гитарная струна, лопнул, и вся толпа плюхнулась. – Ха-ха-ха! Простофили! Он же просто потешался над вами! Ха-ха-ха! – рядом со мной буквально покатывался со смеху морщинистый старичок с белой бородкой. Откуда он возник, я даже не понял. – Бабай, а что вытащить-то хотели? – обратился я к деду, хотя и мало надеялся, что тот слышит меня сейчас. Бабай услышал. Эмоции на его лице сменились в долю секунды. Он выпрямился, от чего стал в два раза выше меня, и, нахмурившись, с долей укоризны ответил мне: – Он сам кого хошь вытащит! Он – Зир; к Елан. Хозяин Камы! – Рыбина что ль такая? – с непониманием спросил я. – Не рыба! Говорю ж – Хозяин Камы! Или Зир; к Елан! К нему так все обращаются. – Сом что ль какой здоровенный? – уже немного с опаской переспросил я у Бабая, видя, как он еще больше нахмурился. – Да нет! Не слушаешь ты меня вовсе. Не рыба, не сом. Дышит он воздухом, как и мы с тобой. Больше, конечно, на кита похож, но вот хвост его длинный, как у змеи. Раньше здесь их много было. Целое семейство! А как человек плотин понастроил, они вниз по Каме ушли до самой реки Идель. Там в последний раз их видели. Потом на Каспий, поди, подались. А этот вот здесь остался. Один. – А почему он не ушел? – я с недоумением продолжал осыпать старика вопросами. – Старый, наверно, как я. А, может, все устраивает. Тут ведь места хорошие: и глубина есть, и рыбы валом, и чудиков хватает, хоть отбавляй, – не успел Бабай договорить это, как снова залился смехом, указывая пальцем на мужиков внизу. – А, может, ради нас дураков он и остался на Каме. Он ведь часто нас выручал. Помнится мне, в одну зиму мороз всю реку сковал. Лед под метр толщиной стоял! До воды не добраться было. А он, увидев наши мучения, пару раз ударил хвостом, и лед разошелся. Так Зир; к Елан до весны следил за полыньей, не давал ей сомкнуться. А был еще случай у нас. Баржа с хлебом на мель встала посреди реки. И ни туда, ни сюда! Сдвинуть мы ее не могли целую неделю. Преть зерно уже стало! Большим голодом все это обернуться могло. Но нет! Зир; к Елан опять нас выручил. Двинул он своим боком баржу, и та пошла как миленькая. Не дал он нам с голоду пухнуть в тот год! Мудрый он очень. В былые времена если дилемма какая возникала у нас, то мы всегда нашего старосту к нему за советом отправляли. Не отказывал он нам. Ты тоже вот, если перед выбором встанешь и сам чего решить не сможешь, обращайся к нему. Зир; к Елан поможет. Но по пустякам его не тревожь. Не любит он этого. – Ой, Бабай, спасибо за историю. Заговорил ты меня! Я на работу так опоздаю. Я пойду, Бабай! – я попрощался со стариком и заторопился в свою контору. В тот день, я еще раз спустился к старому речпорту и провел на берегу Камы довольно продолжительное время, до полуночи, подробности того вечера я упущу, рассказывать вам не буду, все равно никто не поверит. Скажу только одно: тот полугодовой отчет мы сдали в указанный срок, причем в ночь работать никто не оставался. На утро

никого не уволили. Более того, мне уже через месяц предложили должность старшего бухгалтера, но я отказался. В чаепитиях я по-прежнему не принимаю участие, а как только у меня случается обеденный перерыв, я неизменно направляюсь к старому речпорту на берег Камы. Да! Чуть не забыл! Газида Абузаровна с главного финансового отдела частенько теперь заходит ко мне за советом.

Самый главный

Я 20 лет уже работаю в мэрии. Здесь я главный! Без преувеличений. Должность у меня, конечно маленькая, но без меня, весь чиновничий аппарат, поверьте, просто встанет – падет кверху лапками. Я – сантехник!

Что только я не перевидал в казенных стенах за свои трудовые будни. Каких только историй не случилось. С утра комедия, в антракте слезы, в обед балет. В театр можно не ходить. Вы, возможно, подумаете, что я мог видеть кроме километров труб и вентиляции?

Ха-ха! Никто не знает столько чужих тайн, как мыши и сантехники. И это истина. Спросите у любого. Уважением со стороны столоначальников к моей персоне я тоже не обделен. К примеру, если воды нет в кране, то только по имени-отчеству обращаются ко мне, а если санузел забился, так еще с поклоном и приплясывая. Да что я скромничаю, мы с мэром даже трусами обменялись один раз. Не верите?

Я расскажу вам про этот случай, все как было, без утайки. Занесла меня судьба после окончания техникума в оазис молодости и красоты – в город на Каме. Еще не сойдя с перрона, осмотревшись по сторонам, я понял: это мое, здесь я хочу жить. С трудоустройством тянуть я тоже не стал, не люблю бездельничать, буквально через недельку устроился по специальности сантехником в мэрию. Я очень был рад этой вакансии. А что? Система новая. Течей нет. Мой предшественник, Петрович, мне все показал и объяснил. Не работа, а праздник. Но без замарочек не обошлось. Буквально на второй день ко мне с криками влетел один из чиновников. – Ты что натворил? Ты год жизни у нас отнял! Под суд пойдешь, скотина! – Я...я...что произошло-то? – запинаясь пытался выяснить я, прячась под стол. Причину столь эмоционального нападения я узнал позже от местного Айболита, приставленного блюнуть за здоровьем чиновника. Как он мне рассказал, температура воздуха в кабинетах в тот день поднялась на 2 градуса выше предписанного, а это большая беда. Дело в том, что изменение даже в +1 градус ускоряет обменные процессы в организме и запускает механизм старения человека. Вот так вот из-за оплошности я отнял у людей несколько часов бесценной жизни. Следующий казус не пришлось долго ждать. Придя в понедельник на работу, я обомлел от происходящего. Все бегают туда-сюда, словно в муравейнике. Руками машут, что-то не разборчиво бурчат. У всех глазища, как у кита на нересте. А одна группа в серых пиджаках, ну совсем одурели: встали кольцом вокруг клозета, плачут, рвут папки с документами и суют их прямо в унитаз. Я им кричу: – Вы что делаете, ироды, вы мне канализацию забьете!

А они мне в ответ, рыдая: – Проверка едет, ревизор, мать его, помогай давай!

В общем, подкинули они мне работенки. Я до утра чистил трубы. Потом, кстати, не один раз такое повторялось. За все время у меня целый архив скопился утопленных бумажек. Я в них ничего, конечно, не смыслю. Там одни цифры, да графики, но все до единой бумажонки я сохранил. Возможно, для истории сгодятся. В музей, к примеру, отдам или дяде-прокурору. Я еще не думал об этом. Так что, работенка оказалась у меня не мармелад. Как я все эти минусы при трудоустройстве мимо ушей пропустил, я не знаю. Предполагаю, Петрович мог sluкавить или умолчать, не без причины. Но особо-то я не отчаиваюсь. Все сложности в работе тройне покрывали радости ночных дежурств. Ждал я их с нетерпением. Как только солнце уходило в зенит, я спускался к площади – это здесь, недалеко от мэрии. К вечеру там полгорода собирается. Шансов подцепить одинокую красавицу у меня особо-то не было, я прямо, так сказать, неказист, если бы не одно «но». Когда при знакомстве речь доходила до вопроса где я работаю, вот тут-то я и доставал свой козырь. Я выпрямлялся в стойку и высоко задрал голову, выждав небольшую паузу, с деловитым тоном отвечал: – Я работник мэрии!

Все после этих слов дело было сделано. Девушки уже по-другому начинали на меня смотреть. Иногда, конечно, очень редко, они интересовались: а кем я работаю. Но здесь-то

я давал волю своему воображению, представлялся то начальником образования, то главным по здравоохранению. И знаете, верили, ни разу не подвела схема. В довесок я им еще экскурсию устраивал по мэрии. Ключи-то у меня от всех кабинетов имеются, по службе положено, мало ли где там потоп начнется, или воздух с батареи потребуется спустить. Ох... что мы только не устраивали на этих прогулках. Сейчас как вспомню, даже немного стыдно становится. И голышом в догонялки по коридорам бегали, и в секретаршу на приеме играли, и это только самые безобидные забавы из всего списка. А самым любимым моим занятием было молча лежать в обнимку с незнакомкой на крыше мэрии и считать звезды. В те сладкие минуты, скажу я вам, забывались все тяготы моей жизни. Но, как это ни печально, с первыми лучами солнца мой праздник заканчивался. Я поспешал выпроводить свою возлюбленную, убирал все признаки ночного веселья и спускался на свое рабочее место в подземелье. Но однажды все пошло не по плану. В тот день я как обычно вышел прогуляться. На площади познакомился с очередной дамой сердца, Любой из мясного отдела, а через минуту мы уже сидели с ней в кабинете градоначальника. Время мы зря не теряли, я ее полночи в космос запускал. А потом, как так получилось не могу понять, я буквально на секунду закрыл глаза и мной овладел Морфей. Проснулся я от шума. В метре от меня, у стола, кто-то дико рычал и хрипел. Волк, подумал я, и перед глазами пролетела вся моя жизнь. Я обмяк. Но откуда ему здесь взяться, начал успокаивать я себя, боясь потерять сознание. В этот момент в темноте сверкнуло два, нет, три ока. Зверюга явно был не один. Судя по завыванию второго, между ними шла ожесточенная борьба. Спасла меня армейская подготовка. Я сделал глубокий вдох, нащупал на полке самую толстую книгу и метнул ее в сторону хищника. Зверь затих. Не теряя ни секунды, я подхатил вещи и голышом на пару с Любой ринулся к выходу. Как мы бежали по лестничным пролетам вниз я не помню. Оказавшись в своей подсобке я выдохнул. Все обошлось. Выпроводив Любашу, которая спросонья так ничего и не поняла, я засобирился. С минуту на минуту должен был прийти мой сменщик. Я надел рубашку, потянулся за семейниками и остолбенел. А трусы-то не мои! У меня черные в горошек, а эти белые с сердечками. Что за чертовщина? Может, Любины? Перепутал впопыхах? Задавал я вопросы сам себе. Все точки над «и» расставил мой напарник. Забежав ко мне в подсобку, он буквально с порогу заорал: – Ты знаешь..там... это... там..на мэра нападение было... прямо в кабинете... ничего серьезного..говорят ...испугом отделался... весь город на ушах

Я невольно улыбнулся и, не сказав ни слова, отправился домой. Да, те белые семейники с сердечками я сохранил. Возможно, для истории сгодятся. В музей, к примеру, отдам. Я еще не думал об этом.

Боровецкий лес

«„Если Ваша теща на Вас ворчит, отвезите ее по грибы в Боровецкий лес“» – эту половицу возможно знают уже во всем мире. В моем детстве, по крайней мере, эта фраза звучала довольно часто, отчего в доме воцарялся хаос: бабушка превращалась в злую колдунью, отец с дедушкой катались по полу от смеха, а мама плакала. Я же стоял в сторонке и не понимал, что происходит. Уже будучи взрослым, работая в экспедициях, мне довелось не раз услышать эта изречение и в Австралии, и в Нью-Йорке, и от жителей Дании, но какой смысл был заложен в половице, я узнал совершенно случайно, а, вернее, испытал все на себе. Произошло это осенью. Я приехал с группой ботаников в Набережные Челны. Наша задача была проста: собрать семена редких растений, которые произрастали в лесу по соседству с городом. Лесной массив, куда лежал наш путь, местные жители называли Боровецким лесом, он растянулся вдоль реки Кама и приветствовал нас еще издавлек, посвистывая и махая своими огромными лапами. Добравшись до первых сосен, нам очень сильно повезло, представляете, нам не пришлось углубляться в лес, весь материал мы собрали здесь, на краю, это означало только одно – через час нас ждет насыщенная культурная программа, а шатания по буеракам и кормление ненасытных комаров отменяется!

Мы радовались как дети. Напрыгавшись до упаду мы отправились в обратный путь. Пройдя уже с полкилометра, Павел Тимофеевич, наш старший сотрудник, всех остановил. – Мы забыли. Нужно сделать общую фотографию, для отчета! -хриплым голосом выпалил Павел Тимофеевич. Перечить никто не стал. Мы вернулись. Теперь нам предстояло найти место для фотосессии. Мы осмотрелись. Кругом была такая красотища!

Сосны, ели, береза мы не могли их обхватить и вдсятером, а их крона уходила далеко в небо куда-то за облака. Звери, дикие звери, кабаны, лоси, зайцы мирно паслись на опушке не обращая на нас никакого внимания. Растения, кустарники, которые должны были, вроде бы, готовиться уже к спячке, благоухали и разливались в разноцветие. Неопикуемые виды. Мы начали даже спорить. -Айда сюда – созывал я всех, указывая на заросли малины. – Нет. Здесь лучше! – кричал Павел Тимофеевич, топая ногами. Или лесной воздух нас одурманил, или сказочный пейзаж, но не успели мы сделать и пару кадров, как остолбенели. Как такое возможно – только что солнце стояло в зените, а сейчас темень, не видно не зги. – Так. Без истерики. Сейчас найдем дорогу – пытался успокоить всех Павел Тимофеевич. -Возьмитесь за руки и выдвигаемся- скомандовал наш старший сотрудник. Мы образовали живую цепь и пошли вслед за нашим предводителем. Сколько по времени мы блуждали по лесу я не знаю, наши проверенные походные часы показывали у всех абсолютно разное время. В каком направлении мы двигались, тоже было не разобрать, так как стрелка компаса крутилась словно пропеллер самолета. – Все. Привал. Звезд не видно. Ждем рассвета, -уже дрожащим голосом прошептал Павел Тимофеевич. Мы всем табором залезли в дупло старого дуба и, прижавшись друг к другу, уснули. Поутру нас разбудили лучики солнца и трели птиц. Пока мы спали, Павел Тимофеевич где-то раздобыл дикого меда. Подкрепившись лесным нектаром мы отправились по направлению к солнцу. Павел Тимофеевич время от времени корректировал наше движение пользуясь природным навигатором. В этом наш руководитель был ас. Несмотря на то, что наше незапланированное путешествие немного затянулось и большинство из нас хотели наконец-то уже выбраться из лесной чащи и окунуться в блага цивилизации, улыбка с наших лиц не сходила. Мы пели, шутили и скакали по кустам как козы. К вечеру наша прыть поубавилась, а когда мы вышли к тому же месту откуда утром начали путь -к старому дубу – мы взвыли сродни волчьей стае. – Не может быть! В этом лесу не работает ни один ориентир! Он заколдованный! – в свое оправдание кричал Павел Тимофеевич. Мы же направили свои укоризненные взгляды в сторону нашего старшего руководителя, залезли в дупло и уснули. Поутру, уже сле-

дую традиции, мы подзаправились медом диких пчел, залили в себя кружки по три чая из зверобоя, извинились перед Павлом

Тимофеевичем и шагнули в заросли Кизильника. Теперь наши координаты мы сверяли сообща, применяя весь наш накопленный опыт и были уверены, что через пару часов будем уже в гостинице. Но вы не поверите, все повторилось, к вечеру мы опять оказались у старого дуба. Еще раз извинившись перед Павлом Тимофеевичем, мы залезли в дупло и уснули. Мне кажется, наше блуждание по кругу продолжалось бы вечно, если бы на утро нас случайно не обнаружили грибники. – Вы что, не местные? Не знали про наш лес? И поговорку не слышали? – смеялись они над нами. Тут-то я и вспомнил про ту фразу из детства и мне стало понятно, почему бабушка тогда так злилась. Грибники нам рассказали, что в Боровецком лесу каждый день кто-то теряется, но рано или поздно их обязательно находят живыми и здоровыми, а некоторые даже на несколько лет моложе становятся, якобы данный факт медицина зафиксировала. Но дать ответы на все вопросы чуда-природы пока ни один ученый так и не смог. Грибники вывели нас из леса и проводили до дверей отеля. – Вы это, на лес не обижайтесь. Он хороший. Шуткует просто малость. Но Вам обязательно захочется к нам вернуться, – уже прощаясь сказали нам грибники. Они не обманули. И теперь, каждый год я оформляю на работе отпуск и приезжаю в Набережные Челны с одной лишь целью – заблудиться в Боровецком лесу на недельку-другую.

Сейчас бы ба-а-ахнуть!

Воскресным утром начальник военной призывной комиссии Павел Васильевич Пирожков, мужчина средних лет, с пивным животиком и небольшой залысиной на затылке, сидел за обеденным столом в одних трусах и давил мух.

Все сегодня раздражало Павла Васильевича: и яркое летнее солнце за окном, и пение птиц, и смех детворы во дворе, да, собственно, никогда и не нравился ему весь этот, как он выражался, слащавый антураж.

Время от времени, неожиданно для самого себя, Павел Васильевич, подпрыгивал и начинал безумно орать: – Сейчас бы ба-а-ахнуть!...Ба-а-ахну-уть!...Ахнууть! – да так громко он горланил, что возникало многократное эхо, которое разлеталось по всем этажам старой хрущевки, приобретая зловещий оттенок, от чего не только собаки, но даже кошки начинали завывать.

Что означало это «ба-ахнуть», какой смысл несло – для жителей пятиэтажки оставалось загадкой. Соседи делали разные догадки, кто-то предполагал, что Павел Васильевич хочет опохмелиться, ну, типа бахнуть – выпить стопочку, но эта версия быстро растворилась сама собой, т.к., во-первых, он никогда не употреблял – этот факт подтверждали бабушки у подъезда, а они-то уж пары зеленого змия учуяли бы за версту; во-вторых, Митька с первого этажа напрямую предлагал Пирожкову посидеть, намекая на пол-литра Челнинской, но тот только отмахнулся. Ходили разговоры и совсем уж жуткие, говорили, мол, Павел Васильевич счеты с жизнью хочет свести, бахнуть имеется ввиду застрелиться желает, но по этому поводу можно было не волноваться, весь город знал, что хоть Пирожков и при майорских погонах, в жизни он в руках не держал пистолета, один раз, конечно, было у него на срочке после присяги их в оружейку повели для ознокомства, так там он каким-то чудом, возможно, ружье не удержал или еще какая ситуация вышла, но умудрился он штык-ножом себе ногу покалечить. После лечения в госпитале его сразу же комиссовали на гражданку, а здесь его уж дядька-прокурор в военкомат пристроил, с тех пор он опаснее карандаша и вилки ничего и не держал.

В общем, по итогу, перебрав все возможные объяснения, странному поведению Павла Васильевича, соседи стали считать, что в тот момент, когда он в очередной раз начинает орать свое «сейчас бы ба-ахнуть», он просто находится не в своем уме, и старались в эти минуты подальше держаться от его дверей.

В свою очередь, Павел Васильевич не раз наблюдая в окно за соседями, неоднократно приходил к выводу, что у них не все в порядке с головой. К примеру, для чего они, возвратясь с работы, вынаряживаются в вечерние платья и спешаюут, допустим, в театр или на концерт? Отчего радуются первому упавшему снегу или поют песни? – озадачивался Павел Васильевич и почитал все это за синдром ненормальности, и одно время даже носил маску, боясь заразиться, но, поняв, что воздушно-капельным путем данный вирус не передается, просто ограничился тем, что стал сторониться своих соседей по дому и, на всякий случай, пересмотрел все свои увлечения и занятия, которые могли быть схожими с симптомами опасной болезни, а убедившись в отсутствии таковых, окончательно успокоился, но не остановился.. Изю дня в день он старался выявлять и вычеркивать из своего бытия все то, что он считал угрозой для нормальной жизни. Так он перестал отмечать все праздники, оставив для внимания только даты военных сражений, даже календарный год Павел Васильевич условно поделил на два времени – весну и осень, а потом и вовсе заменил их на периоды – призывной и непризывной, зиму и лето вычеркнул за ненужность. В планах у Павла Васильевича, конечно, стояла цель упростить год до одного периода – призывного, но пока он не находил решения. Непризывной период Павел Васильевич не любил в особенности, коридоры военкомата в это время были безлюдны. Дырокол со скоросшивателем простаивали впустую. Даже поговорить ему было

не с кем, можно было, конечно, зайти к полковнику Егору Тимофеевичу, ветерану войны, но он разговоры на военную тему не поддерживал, а если настаивать, то мог и в морду дать. С гражданскими у Павла Васильевича уже давно разговор не ладился, они всегда один и тот же вопрос задавали ему: зачем, говорят, учить одних людей убивать других?, на что Павел Васильевич четко отвечал: «Положено! Гражданский долг!» – после чего с силой захлопывал дверь и уходил бродить по коридорам военкомата в полном одиночестве, заставляя время от времени вздрагивать своих коллег от неожиданного «сейчас бы ба-ахнуть!». Когда наступал призывной период, Павел Васильевич расцветал, у него даже появлялась улыбка на лице. Коридоры военкомата мгновенно наполнялись бритоголовыми мальчишками, а дырокол со скоросшивателем начинали работать бесперебойно. Работал Пирожков в это период не покладая рук. Какой бы план по призыву не давали Павлу Васильевичу, он его с легкостью перевыполнял и в три и, даже, в пять раз, отчего его результатами одно время даже из столицы интересовались и попросили раскрыть секреты эффективного метода работы, на что Павел Васильевич коротко рапортовал: «Секретов нет, у меня все просто, девиз один: будешь годен – пойдешь в армию, не будешь годен – не пойдешь в армию. Тут два варианта, третьего не дано». Лукавил, конечно, Павел Васильевич, был у него и третий, и пятый, и десятый варианты. Если, допустим, приходит к нему студент с законной отсрочкой от службы, так Павел Васильевич в деканат мигом звонит, и на утро студент уже в шинели марширует, а если по здоровью какой призывник не проходит, так Павел Васильевич лично диагноз правит, а коли уж и вовсе упертый мальчишка, так он его диспансером для душевнобольных страшит, связи, говорят, у него и там есть. Но обманом Павел Васильевич данный факт не считал и не находил это поводом для стыда, а если и возникали проблески сомнения в его голове, то он жестко отвечал своему сознанию: «Служба превыше всего!»

Что же означало это «сейчас бы ба-ахнуть..а-ахну-уть», какой смысл несло, для жителей пятиэтажки так и осталось загадкой. В тот воскресный день, наблюдая за неестественной тишиной, соседи заподозрили неладное и ворвались в комнату к Павлу Васильевичу, но к всеобщему удивлению его там не обнаружили не живым ни мертвым. На обеденном столе после Павла Васильевича остались только гора раздавленных мух и телеграмма, в которой сообщалось, что военный комиссариат подлежит расформированию и сносу. Военкомат вскоре действительно снесли и построили на его месте детский сад и школу, а начальника военной призывной комиссии Павла Васильевича Пирожкова так больше никто и не видел, но, иногда, особенно в солнечные дни, откуда-то из подвала старой хрущевки доносится эхо, от чего не только собаки, но даже кошки начинают завывать.

Выстрел

– Фаяз-абый, а как та звезда называется? – Какая? – Вот та. – Белый орёл. – А почему их днём не видно? – Улым, все звёзды на небе зажигаются только ночью от минаретов. – Абый, а ты мечеть когда достроишь? – Эх, это только Аллах знает. Ну, если ты будешь помогать мне, думаю, что до Курбан-Байрама успеем пол залить. – Абый, а почему у тебя нет жены и детей? – Сынок, тебе уже пора спать. Беги домой, набирайся сил, а завтра к обеду приходи, будем на камне узоры резать. Артём, так зовут нашего юного строителя, убежал в припрыжку домой, а Фаяз-абый ещё полночи носил песчаник с берега Камы и только под утро прилёг немного передохнуть, здесь же, у стен недостроенной мечети. Фаязу было, наверно, лет восемьдесят. Возможно, даже больше. Точного возраста его никто не знал. Семьи у него не было. Вёл он, прямо сказать, аскетический образ жизни: излишеств себе не позволял, почти всю свою пенсию пускал на строительство мечети. С соседями он был немногословен, но односельчане все его знали и уважали. Если нужно было Никах провести или усопшего проводить, обращались только к нему, хотя официально ни муллой, ни имамом он не был. Этой ночью Фаяз-абый спал как убитый. Не мешал ему ни холодный ветер, задувавший с Камы, ни раскаты грома, доносившиеся со стороны Челнов. Что снилось Фаязу, пока он спал, мы не узнаем, но улыбка не сходила с его лица. С первыми лучами солнца Фаяз-абый был уже на ногах. Помолившись, он приступил к работе. Артём, наш юный помощник, тоже был тут как тут. Дело спорилось. Фаяз-абый выводил узор за узором. Гранит под его рукой таял словно масло. Казалось, что это не твёрдая порода, а пластилин, подтаявший на солнце. Тюльпаны на камне расцветали один за другим. Артём не сводил глаз с Фаяза, он старался всё подмечать и копировать, даже вздыхал точно так же, как его учитель. Время от времени Фаяз отдавал резак в руки юнца, и тот со всей серьёзностью пытался резать. Но камень не поддавался, отчего слёзы Артёмки лились рекой. – Ничего, ничего! Скоро всё получится. Немного упорства, и ты его победишь! – успокаивал Фаяз своего помощника, похлопывая его по плечу. К полудню одна из стен мечети была готова. Колонны, арка, витражи и особый рисунок на камне выделяли её среди других. – Так, улым, мой руки и садись подкрепиться. А я пока плитку нарежу, – сказал Фаяз-абый. Он выложил на скатерть лепёшки и, налив катык в большую пиалу, вышел во двор. Артём уплетал угощения за обе щеки, и казалось, что ничего вкуснее на свете быть не может. С улицы под трель самодельной электропилы лились песни Фаяза. Артём знал их все почти наизусть и иногда, когда никого не было рядом, тоже напевал. Вдруг, в одно мгновение, Фаяз-абый вскрикнул и наступила тишина. – Абый? – встревоженно воскликнул Артём и, не дожидаясь ответа, выбежал во двор. – Абый! Абый! Что случилось? Что случилось? – уже захлёб кричал Артём, пытаясь понять, что же произошло. – Улым, не смотри сюда. Не подходи. Беги за отцом. Скажи, в город нужно срочно ехать, – спокойно ответил Фаяз-абый, прикрывая окровавленную руку полотенцем. Меньше чем через час Фаяза привезли в городскую больницу. Несмотря на значительную потерю крови, Фаяз-абый отказался от каталки и сам дошёл до процедурного кабинета. Медсестра быстро обработала рану и наложила повязку. – До свадьбы заживёт, – пошутила она и посоветовала зайти ещё к врачу в соседний кабинет. Фаяз-абый поблагодарил медсестру и, попрощавшись, отправился в кабинет напротив. Ещё по табличке на двери Фаяз понял, что ему сильно повезло. Он даже на минуту забыл о боли в руке. Зайдя внутрь, он убедился в этом – это был он!

В кабинете за столом сидел тот самый человек-легенда, о котором говорила вся Республика. Николай Андреевич отдал медицине большую часть своей жизни и, будучи травматологом по специальности, поставил на ноги десятки тысяч обречённых людей. Раздробленные кости он собирал буквально с закрытыми глазами, а для постановки диагноза ему не нужен был даже рентген: чуткие пальцы с точностью определяли мельчайший изъян лучше любой

техники. Говорят, что пациенты с приговором остаться прикованными пожизненно к постели вследствие тяжёлых травм, пройдя через руки Николая Андреевича, уже через полгода отплясывали чечётку. Столичные чиновники, прознав про чудо-врача, не раз пытались переманить его в кремлёвскую больницу, но Николай Андреевич на все уговоры отвечал отказом. Чиновники не сдавались и делали попытки заманить врача золотой монетой, но тот был равнодушен к деньгам. Даже своим студентам он всегда говорил: «Настоящему врачу неважно, сколько у него в кармане целковых. Врач – это не бизнес и даже не профессия. Врач – это образ жизни, можно сказать, своеобразное монашество. Человек отрекается от всех мирских благ во имя одного – здоровья людей!» Студенты обожали Николая Андреевича и бежали на его лекции как в булочную с голодухи. Сам врач не любил излишнего внимания к себе, но с удовольствием делился с учениками своими знаниями. С утра и до вечера он продолжал заниматься врачеванием, а в выходные дни, которые случались не так часто, старался посвящать своей семье. Вот и сейчас Николай Андреевич, задумавшись, сидел над очередной историей болезни и, кажется, даже не заметил Фаяза, который уже минут десять стоял посреди кабинета, держась за край кушетки. – Кхм! Кхм! – попытался обозначить своё присутствие Фаяз. Но врач его не слышал. С минуту на минуту должна была состояться операция, а перед тем, как к ней приступить, Николай Андреевич всегда мысленно проходил весь путь от её начала до конца: вот сейчас он сделает скальпелем разрез, уверенно раздвинет мышцы и осторожно отодвинет надколенник... – Вы что, не слышите и не видите меня?! – топнув ногой, спросил Фаяз-абый. – А? Что? Что у Вас? – опешил Николай Андреевич. – Вот, – выставил вперёд перебинтованную руку Фаяз. – Понятно. Подождите за дверью. У меня сейчас нет времени, – тяжело вдохнул врач. – Я им тоже не располагаю! Сегодня-завтра помру, а дело останется незавершённым. Или смотрите сейчас, или я пошёл! – Фаяз сделал шаг к двери. – Ну хорошо, хорошо. Присядьте и снимите, пожалуйста, головной убор. Бактерий нам еще не хватало, – указав на тубетейку, ответил Николай Андреевич. – Что?! Тубетейка – это не зараза! – сжав кулаки, вскрикнул Фаяз. – Снимите. Это требует антисептика. Это санитарные нормы, – попытался объяснить врач. – Я тубетейку ни перед кем не сниму! – уже не сдерживаясь в эмоциях, кричал Фаяз. На крики, доносящиеся из кабинета врача, сбежалась охрана. Они не стали разбираться в происходящем и сразу же вынесли Фаяза в коридор прямо на табуретке. Николай Андреевич убежал в операционную. После операции он вернулся в кабинет, но своего пациента уже не застал. Рана у Фаяза затянулась довольно быстро – помогли местные травы. Но он по-прежнему почти не показывался на людях. Целыми днями Фаяз возился у себя в столярке или бродил по лесу. Строительство мечети он забросил, а проводить обряды отказывался, ссылаясь на плохое здоровье. Прошло больше шести лет. В то зимнее утро в сторонке, недалеко от входа в больницу, сгорбившись, стоял старик. Он опирался на палку и что-то бурчал себе под нос. Это был Фаяз-абый. Он ждал. Уже издалека он узнал Николая Андреевича, который, как всегда, одним из первых спешил на работу. Когда Николай Андреевич уже был на крыльце больницы, раздался выстрел. Фаяз увидел, как упал Николай Андреевич, увидел, как первый, никем не тронутый снег окрасился в розовый цвет, увидел, как испуганная вахтёрша бежит вокруг врача и зовёт на помощь, как огни полицейских и реанимационных машин слились в единое сияние, ослепив всё вокруг... А на небе зажглись звёзды. На второй день после смерти врача Фаяз сам пришёл в полицейский участок и признался в убийстве. Поначалу следователи не поверили старику и выпроводили его на улице. Но потом Фаяз принёс доказательства. Как выяснилось, он переделал трость в огнестрельное оружие и именно из него стрелял в то утро. Мотивы и всю хронологию преступления выяснить следователям так и не удалось. В деле было много пробелов, например, молодой сержант утверждал, что видел в записях видеокамеры автомобиля с правительственными номерами, который умчался сразу же после выстрела. Но во внимание это брать никто не стал, а докучавшего сотрудника уволили. На суде Фаяз-абый никому не смотрел в глаза. Последняя речь его было короткой: «Я убил человека. Я предал свой народ.

Я предал Аллаха». После этого он снял свою тюбетейку, медленно опустился на колени и зарыдал. После приговора никто больше не видел Фаяза. Умер он в тюремных стенах или, отсидев положенный срок, вышел на свободу, никто не знает. Но в своё село он больше не возвращался. А вот мечеть, которая так долго стояла одинокой, в этом году начали строить. Говорят, восстанавливает её молодой инженер из Казани. Он так лихо режет узоры на камне, что кажется, это не гранит под его рукой, а пластилин, подтаявший на солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.